

УДК 1 Ф

**СТИЛИ ФИЛОСОФСКОГО МЫСЛЕТВОРЧЕСТВА И ПОИСК
ФИЛОСОФСТВУЮЩИМ СУБЪЕКТОМ СВОЕЙ СТЕЗИ
«ПОВЕРХ ИХ РАЗМЕЖЕВАНИЯ»**

Баркова В.В.

Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск, e-mail: barkovavv@cspu.ru

В статье рассмотрены узловые моменты историко-философского процесса становления философского мыслетворчества, субъекта философствования и стилей презентирования философского знания.

Ключевые слова: философствующий разум, философское мыслетворчество, определяющее себя мышление субъекта, стили презентирования философского знания

**STYLES PHILOSOPHICAL CREATIVITY OF THOUGHT AND SEARCHING
BY THE PHILOSOPHIZING SUBJECT OF THE PATH
«OVER THEIR DELIMITATION»**

Barkova V.V.

The Chelyabinsk state pedagogical university, Chelyabinsk, e-mail: barkovavv@cspu.ru

In the article joint moments of a historico-philosophical process of establishment philosophical creativity of thought, the subject of philosophizing and presentation styles of philosophical knowledge are considered.

Keywords: philosophizing reason, philosophical creativity of thought, defining thinking of the subject, presentation styles of philosophical knowledge

«Живая плоть» нарративов, дискурсов и философских рефлексий, начиная с античных софистов и Сократа, постоянно влекли к философскому мыслетворчеству талантливых личностей, способных на публичное позиционирование собственных способов осмысления действительности, общества, человека и его места в мире. Время сохранило в памяти мировой культуры имена представителей этого вида интеллектуально-духовного искусства: Аристотеля, Зенона, Парменида, Пифагора, Платона, Эзопа, Фалеса и т.д. Ощущая общественную поддержку (или не поддержку) высказываемым мыслям, они находили в диалогах и полилогах с социумом и друг с другом смыслы своей жизни и гражданского служения государству-полису. Проникая рефлектирующим разумом до самых сокровенных уровней мироздания в поисках «проростков» истин познания, они ощущали в «разверзаниях бытия и времени» огромные возможности для развития философского мыслетворчества и необходимость расширения концептуальных возможностей языковых форм философского мышлевыражения для более адекватного «овнешнивания» предметных полей философии.

В эпоху Средневековья философское мыслетворчество сосредоточилось на комментировании текстов Библии, размышлений Отцов Церкви, являя собой в свет естественного, но смертного разума. «Предметными полями» философских раздумий становились дозволенные Церковью темы в рамках канонического мышления. Од-

нако философское мыслетворчество находило «обходные пути» реализации своего потенциала. Оно заявляло о себе в комментариях к переводной арабской литературе, иудейских философов, в герменевтических программах А. Кентерберийского, Ф. Аквинского, П. Расцелина, П. Абеляра, и др., компиляциях на основе трудов античных философов. Однако все смысловые интерпретации, нарративы, дискурсы выстраивались теологами в такой логико-смысловый порядок, который был направлен на оправдание «лестницы бытия», созданного Богом. Такой стиль философского мыслетворчества назывался «спасением явлений». Фома Аквинский, рассуждая по поводу подобных методологических конструкций, оправдывал их существование тем, что первой философией является знание истины не какой угодно, а той, которая есть источник всякой истины. Началом же всякой истины есть Бог.

В Новое время философское мыслетворчество, отражая открытия науки и техники, устремилось к изучению естественно-научных конструктов миробытия. Осознание значимости коперниканской революции, достижений Галилея, Ньютона, Кеплера привело к переосмыслению места и роли человека в объективных закономерностях природного развития. Великие сыны своих отечеств: Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Герберт, И. Кант, Гольбах, Гельвеций и др. в поисках философских решений обозначившихся «предметных полей», активно включились в их теоретические исследования. Особенностью философского мыслетворче-

ства этого периода становится наращивание активности в поиске общезначимых истин, применимых к осмыслению как природного, так и социального бытия. В «Прологоменах, ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» И. Кант высказывает мысль о том, что философия должна оставаться «хранительницей наук». Гегель разделы «Энциклопедии философских наук», представил как особые философские науки. Он подчеркивал, что многообразие сущностных форм философского знания и стилей философствования, не несет с собой ущерба для философии. Объявив человеческий разум «мерой» истинного познания всех вещей, философское творчество Нового времени актуализировало поиск рациональной легитимации его «абсолютного основания» в самом «теле» философской мысли. При этом, «ветвящийся» характер философского мыслетворчества стимулировал развитие классических, логико-рационалистических традиций философствования, которые получили воплощение в неоплатонизме, неоплатонизме, картезианстве, кантианстве, шеллингианстве, гегельянстве, марксизме и т.д. Но, чем активнее рационально-логические направления классического философского мыслетворчества сосредотачивали внимание на исследовании социальной жизни, тем интенсивнее в нем «прорастали» некие, не соответствующие его установкам, но, связанные с природой человека и его самопознанием, тенденции и парадигмы. Их даже, по-началу, было трудно уловить «в сети понимающего слова» (С. Франк). «Прорезавшиеся» аспекты мировидения демонстрировали способность «высвечивать» такие социокультурные ценности человеческого бытия, значимость которых актуализировала их изучение не только «философским сообществом», но и специалистами других сфер познания, открывая путь к постижению уникального в его уникальности субъективного мира личностных переживаний человека «в его бытие – пути». Речь идет о феноменологии, герменевтике, понимающей социологии, онтопедагогике, недирективной психологии и т.п. Обращение к этим аспектам и стилям их мыслевыражения позволяло познавать особые сущностные конструкты жизненного мира человека: неповторимые по своей значимости – смыслы, ценности, идеалы. Ещё в античные времена были «нащупаны» стези этих «иных» стилей философской мыследеятельности и особенности языковых форм их презентирования. Философская мысль, «вкусив» в материнском религиозно-мифологическом лоне нектар из метафорических способов мыслевыражения, генетически «унаследовала» матрицы

этого стиля рассуждений, но теперь уже для выражения собственного строя мысли. Как это было у Ксенофана и Парменида, Платона и Лукреция Кара, в письмах Эпикура и Сенеки. И.Н. Сиземская подметила, что дальнейшее развитие художественно-образного стиля философского мыслетворчества в целом создало качественно иные механизмы мирозерцания и миропонимания. Сила мышления в них, приумножаясь силой человеческого воображения, наполняет философское знание о мире и человеке богатством, не охватываемым умом, «жизненных окраин» мировоззрения. Застывшие, «засмысленные», семиотические реалии-конвенции объективного мира, сформировавшиеся в недрах классического, логико-рационального стиля философствования, подвергаются в нем рефлексивной «переплавке», приобретая такую смысловую многосложность, которая «подвигает» философствующий разум становиться «прорицающим» разумом. Герменевтически истолковывать возможные метаморфозы в развитии Вселенной, природы, человеческого «Я», и которые способны обрести реальность при некоторых условиях, отсутствующих непосредственно «здесь и сейчас». Интуитивные мыслеобразы воспринимаются как «знаки» чего – то важного, сокровенного ранее непостижимого, прятанного в глубинах мысли и духа. Не случайно великий теоретик немецкой классической философии Гегель находил в трудах Софокла, Аристофана, Шекспира, даже Дидро, воплощение и полное подтверждение некоторых своих идей, и активно опирался на их труды в «Феноменологии духа». Закончил же он это, самое философское из всех, философских произведений, стихами Шиллера.

Художественно-образный стиль мыслетворчества, проходя через философское «горнило» исторических эпох, «пророс» в персонализме, философии жизни, экзистенциализме, философии космизма, отечественной религиозной философской традиции, феноменологии и т.д. Разнообразные смысловые компрессии, заложенные в художественно-образном стиле философского дискурса, позволили найти «общий язык» представителям различных философских направлений, исповедующих, подчас, противоположные мировоззренческие и теоретико-методологические позиции. Как конструктивный феномен философского языкового мышления, этот стиль дискурса позволил определить общие «философские концептуальные каркасы» позитивизму и экзистенциализму (Сартр, Камю, Ясперс), разнообразным теоретическим синтезам психоанализа с марксизмом (Э. Фромм), неопределенности с социологией (Маркузе) и т.д.

«Озвучивая» разноплановость путей человеческого самосознания, этот стиль философствования позволил осмысливать всю полноту переживаний бытия в его противоречивой целостности. Секрет рождения целой гаммы стилей философского мыслетворчества «кроется» даже не в предмете рефлексии, сколько в способе отношения субъекта философствования к бытию, манере «означивания» им своих убеждений, мировоззренческих позиций. К.А. Свасьян писал в связи с этим, что мыслить вещи, явления, события – значит наделять их собственным «Я», которое, не переставая быть моим «Я», становится в них их смыслом и сущностью. Используя максимальный объем культурного опыта человечества в качестве открытого, значимого поля для деконструкции различных культурных традиций, философское мыслетворчество всегда оставляет «следы» в открытом пространстве мысли, доступные апроприации. Тем самым, закладывая с первых моментов своего «появления» в интеллектуально-духовном пространстве жизнедеятельности человека, прецедент, утверждающий его право постоянно изменять форму собственной презентации. В этой связи, логико-рационалистические, художественно-образные, религиозно-мистические, синтаксические, аналитические, деструктивные и т.п. стили философского мыслетворчества, можно рассматривать как различные способы презентирования философского знания. Знания, отражающего квинтэссенции онтологических и гносеологических вопрошаний идеалистических, материалистических, дуалистических, религиозных, плюралистических и т.д. систем миропонимания

Так, в недрах «доосевого» времени «зародился» фольклор, который со временем из способа языкового мышления трансформировался в незаменимую философскую мыслеформу презентирования козволюционных «состояний – взаимодействий» различных стилей мыследеятельности. Эти философские формы констатации опытов быстротекущей жизни: пословицы, поговорки, паремии, притчи и т.д., способны давать универсальное осмысление реальности, пропуская своей оценкой все её сферы. Они «срабатывают» на самых различных позициях, даже взаимно противоположных. Однако эта противоречивость не нарушает целостности фольклорного отражения и осмысления миробытия, а, наоборот, укрепляет её, объективируя в конкретных обстоятельствах экзистенциальные опыты человечества. Древнейшим способом презентирования философского мыслетворчества посредством художественно-образного стиля размышле-

ний, выступает и афористика. О ее философских потенциях можно судить по сочинениям Цицерона, Сенеки, Сократа, Конфуция, Тертуллиана, Ф. Бэкона, Рабле, Ж. Лакана, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, У. Шекспира, Б. Паскаля. М. Монтеня С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, В. Тютчева, где она употребляется как способ философствования. Смысловая динамика, заложенная в ее ментальных конструктах, благодаря сжатию информации до ядерного состояния, позволяет ей «фонтанировать» смысловой многослойностью, метафоричностью, лаконичностью, сентенциозностью, парадоксальностью. А. Белый определял ценность философской афористики тем, что она позволяет мгновенно окинуть и увидеть любую направленность горизонта человеческого развития, найти и открыть дверь в самостоятельный мир человеку там, где автор лишь попытался расставить вехи смыслообразов. В доосевые времена сформировался и иконический стиль философского мыслетворчества. Его корневая система обнаруживается не только в античной (символической замене имени Зевс, например, гирями, молнией, колосом и т.д.), но и средневековой мифологии, античной математике, в философских рассуждениях Архимеда, Гиппарха, Филалая, Пифагора, Платона. П.А. Флоренский задумывал создание словаря иконических знаков-символов с «прорисовкой» их смысловых значений: от точки до сложных фигур и конфигураций. Философское мыслетворчество обнаруживает себя даже в «поступочных» формах. Примерами могут служить: жизнь Демокрита, киники, движение дервишей, хиппи, саньясинов, бессловесное философствование исихастов, молчалиников. Своей жизнью они демонстрировали реальность ценностных норм и смыслов своего бытия. Их молчание, немота были не менее существенны, чем собственно речь (Бибихин).

Таким образом, философское мыслетворчество, подобно Протею, обладает способностью принимать самые различные, непохожие при первом приближении друг на друга обличья. Но являясь в своем разнообразии сложными, открытыми, самоорганизующимися системами, стили философского мыслетворчества реализуют свое бытие как критико-рефлексивные процессы осмысления экзистенциальных состояний бытия человека. Каждый из них несет на себе «печать» своих создателей, «следы» темпоральности времени, давших возможность им «стать на ноги»: платонический, эпикурейский, схоластический, стоический, Спинозиский, картезианский, кантианский, диалектико-идеалистический, диалектико-материалистический, классический, некласс-

сический, постнеклассический и т.д. стили философствования. Презентируя философское мыслетворчество в форме проблемы – т.е., преобразуя при помощи языковых форм наличную действительность в проблему, каждый стиль претендует своими конфигурациями значений выставить «напоказ» родовую истину человеческого бытия в мире и «свои» способы ее познания. В этом плане интерес представляет высказывание Дерриды о том, что философское мыслетворчество и способы его презентирования рождаются «на границах философии», т.е. вне, «поверх», исторически обретенных межеваний. Это подводит нас к мысли о том, что стили философского мыслетворчества, исторически не развиваются изолированно друг от друга. В пространственно-временном континууме философской гносеологии они образуют диалектически сложную, но целостную вязь концептуальных цепочек переплетения. Здесь каждое звено пересекается с близлежащими звеньями, но при этом может не иметь непосредственных связей с другими. Может никак к ним не относиться, либо иметь сложно опосредованные переходы. Например, переход от позитивизма к экзистенциализму без опосредующей роли феноменологии был бы практически невозможен. Только «различение», по оценке Делеза, становится подлинным началом новых аспектов философской рефлексии и способов её стилового мылеоформления. «Предметные поля» в этом случае обозначаются не констатацией наличия, а через обнаружение отсутствия необходимого порядка и его конструкторов там, где это философствующий разум ожидал найти. По сути, получается, что не парадигмы, не исследовательские программы, как теоретические идеализации, используемые исключительно на уровне методических удобств, а стили философствования могут претендовать на роль методологических «фонарей», ориентирующих, мыслетворчество философствующего разума в «поток реки времен». Стили философствования не оторваны от онтологических оснований человеческой бытийности. Они вбирают «в себя все», и подобно ленте Мебиуса, у которой нет внешнего и внутреннего, позволяют ощутить и выразить многоликость, многомерность, многовекторность разнонаправленность и непредсказуемость жизненных сюжетов человеческого бытия в их познавательной активности.

Особенности развития постнеклассического философского мыслетворчества с его разнообразными пластами рефлексий, практик миропонимания, «разрывающих» границы между философскими школами

и мировоззренческими системами, создали прецедент для разговоров о «кризисе» философского мыслетворчества. Его обвиняют в подмене философской проблематики игрой мыслетехник, смешении стилей философствования, видов и форм познания, излишней метафоричности и т.д. Акцентуация релятивности восприятия мира, выражением которой стал принцип «онтологической относительности» Куайна, порождает ощущение логической ненадежности и не достоверности в объяснении и комментировании тех или иных мировоззренческих ситуаций. С точки зрения Ж. Келле постнеклассический «конструктивизм» формирует такой тип мировоззрения, который, «надстраиваясь» над матричными основами философского знания, подменяет собой философские направления и системы, разворачивая философскую логику не на определение проблемы «что такое познание», а на вопрос, какую практическую ценность оно представляет для человека. Последнее делает подобные «творческие искания» несовместимыми не только с какой-то конкретной системой философских взглядов (что допустимо), но со всей историей философии в целом. Почему современные формы презентирования философского мыслетворчества вызывают негативные эмоции и оценки? Во-первых, они поставили вопрос о том, может ли философское мыслетворчество претендовать на роль научного знания? Большинство современных авторов, рассматривая его как интеллектуально-духовный способ миропознания полагают, что философское мыслетворчество не способно быть наукой в точном смысле этого термина – в смысле science. Со времен Р. Декарта, утверждавшего, что целью философствования не является поиск смыслов человеческого бытия, а только естественно-научное познание, философская мысль увлеклась развитием наукообразного стиля мышления. Рационализацией познавательной деятельности во всех ее ипостасях, логикой доказательств, созданием «жестких» конструкторов миробытия. Классическая философская традиция, по мнению Алейник Р.М., Маркова Л.А., Механиковой Е.А. и т.д., «предала забвению» изучение смыслополагающих аспектов нравственной стороны деятельности сознания. По словам Р. Сафрански, только современные стили философского мыслетворчества «развернули» человека к его душе, сомнениям, самопознанию «себя самого в себе самом», побуждая его всматриваться в реальное бытие, открывать его для себя, других, мира в целом. Получать возможность наслаждаться феноменом своего

присутствия в нем. Это напряженный гуманизм – гуманизм «без прикрас», но он наводит мосты над безднами смыслов. Взламываемая повседневность, открывает ее тайны и новые горизонты в индивидуальном бытии каждого человека. Во-вторых, языковые формы классических философов, сформировавшиеся под влиянием научной модели о сущем, превратились со временем, в «застывшую языковую картину мира». Они оказались не способными озвучивать современные тенденции философских размышлений о кризисных модусах человеческого бытия. Устав от отвлеченности классического метаязыка, философствующий разум стал освобождаться от безжизненных семиотических концептов. Искать иные языковые формы смысловыражения, иные философемы, в которых не потеряны адекватные связи между образом мира и истолкованием этого образа в языке, в слове и его смыслах. Как это уже сделали в своем творчестве С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Бергсон, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Г. Марсель и т.д.

Философствующий разум, начиная с античной эпохи, для усиления глубины презентирования философского познания постоянно вводил новые семантические поля с помощью новых слов или, наполняя новым смыслом, старые: «Идея» у Платона, «Бытие» у Парменида, «Вещь – в – себе» у И. Канта. «Диалектика» и «Снятие» у Г.В. Ф. Гегеля. «Позитивизм» у О. Конта. «Сверхчеловек» у Ф. Ницше» и т.д. Словотворчество освобождало мысль из плена повседневного языка и предрассудков его употребления здравым смыслом. Слово, введенное в языковой оборот философской мысли, становилось наилучшим хранителем смысловой информации. Ж. Делез и Ф. Гваттари, рассуждая об особенностях философского языка, синтезе в нем новых концептов и понятий, отмечали, что философские концепты не ждут нас готовыми, наподобие небесных тел. Их должно изобретать, изготавливать, творить, и без подписи сотворившего, они ничто. Проходя через множество ступеней доказательства, они становятся печатью бессмертия своего автора, не стирающимся следом его пребывания на философском Олимпе. Новые понятия, интегрируя принципиально иные системы мышления, конденсируют в себе радикальные сдвиги в понимании и описании реальности природного и социального бытия, «подвигают» практику философствования к «переопределению» сложившихся критериев «философичности»: целей, проблематики, предмета мыслетворчества и даже главного инструмента – абстрактной мысли. Признав ис-

тинной, вслед за В.Г. Гегелем, мысль о том, что философское мыслетворчество является мировоззренческим зеркалом, проходящих чередой эпох, следует принять во внимание и то, что оборотной стороной этого обстоятельства становится признание того факта, что, отражая мировоззренческие изменения в ликах эпох, оно само развивается, т.е. находится в динамике. Приращение философских знаний, изменение приоритетов, таким образом, процесс неизбежный, дающий возможность развивать иные способы прочтения мира. Поэтому за рассуждениями о «конце» философии, «письмах в развалинах» нужно увидеть образное выражение потребности пересмотра тех теоретических очевидностей, которые, оформляя наше сознание, отдалили нас от реальности, оставив бытие в прогрессирующем забвении. Вопрос же заключается в ином – где та грань, за которой эти изменения не будут способствовать разрушению «тела и духа» философии как социокультурного феномена, в котором осуществляют свое личностное развитие философствующие субъекты? Исторически взаимоотношения между стилями философского мыслетворчества, презентующих сосуществующие в едином целом мировоззренческие концепты, осуществлялось в диалектическом единстве и диалогическом конструктивизме. Противостояния между ними способны, с нашей точки зрения, возникнуть лишь при условии, когда намечается отказ от полноты параметров образа обсуждаемой темы. За «границами» которой начинается хаос точек презрения к реальности, презрения такой же силы, с какой каждый стиль способен претендовать на единственность и власть заявлять о своей единственности. Власть своей точки зрения.

Хайдеггер отмечал, что философское мыслетворчество, представляя собой личностное усилие отдельного индивидуума, продолжает оставаться уникальной гранью жизни человечества, поскольку в точке пересечения всех актов онтологических и гносеологических вопрошаний философствующего разума, всегда находится Человек. Он «пребывает» в этом фокусе не только как часть бытия, но и как его сущностно – проективная ипостась, точка роста, как главное действующее лицо, соавтор и субъект всех исторических, культурологических и философских эссе. В.Д. Губин писал, что создавая в себе душевным напряжением подлинное переживание бытия, философствующий субъект напряженно вглядывается в сущность внутренне данного содержания переживаний. При этом он осуществляет своеобразное «установление» пережитого с той соразмерностью, которая открывается ему

в бытии и, которая побуждает сказать об этом другим. Жажда диалога, желание быть услышанным и дополненным другими, выводят его мыследеятельность за пределы субъективного самоистолкования им опыта трансцендирования над собственным сознанием. Самоосознание «самого себя в себе самом» является тем фундаментом, на котором индивидуум выстраивает свои ценностно-смысловые и познавательные-деятельные отношения с миром природы и общества. Однако для осознания самого себя в качестве субъекта, имеющего внутреннюю потребность и устремленность заниматься философским мыслетворчеством, мало иметь даже собственный «жизненный проект бытия». Надо иметь определенный уровень личностного развития, который задается приобретенным опытом разумности (И. Кант), и который проявляет себя как степень осознания меры и глубины ответственности человека за себя и других, его «не – алиби – в – бытие» – по мысли М. Бахтина. Ведь можно жить ответственно, осознавать все происходящее вокруг тебя, но бытом в малом времени, а можно – бытием – во времени – большом. Личность, выбравшая философское мыслетворчество в качестве матрицы для развития своих родовых сил, должна извлечь из «закромов» своего духовного мира такие стержневые его конструкции, которые, добавляясь к разуму, ввели бы «особое измерение» в опыт ее бытийности. Это открытость миру, познанию, одержимость жаждой знаний о том, что есть, как по ту, так и в посюстороннем мире. Личность, определяющая свое философское мышление и, «овнешнивая» его, не может довольствоваться выстраиванием его как все: по традиции или, исходя из общепринятой и общезначимой реальности. Она выстраивает его на основе свободного выбора предельных оснований её осуществления. Руководствуясь свободным выбором этих оснований – мировоззренческих принципов и позиций, она выстраивает внутренне согласованную систему собственных взглядов, выражающих осознанную мотивацию её мыследеятельности и поступков. Если ее «Я» и мир вокруг нее, перестают отвечать, сделанным ею смысложизненным выборам и ценностным ориентациям в силу эволюции личности, то она решительно должна искать в себе силы поменять и то и другое. И. Кант советовал личности, имеющей мужество пользоваться своим умом, и способной принимать самостоятельные решения, действовать, исходя из долга, разума и принципа нравственности. Он подчеркивал, что философ, как самостоятельный мыслитель, должен применять свой разум свободно и оригинально, а не рабски

подражательно. Умение находить в «предметных полях» философского мыслетворчества «terra ihkoghit» – «неозвученные» аспекты философского вопрошания к миру, наличие которых только «угадывается» на «границах» разных областей философского знания, конструировать их, вскрывает фундаментальный гештальт, семантико-аксиологический стержень философской ментальности в обосновывающем себя мышлении субъекта.

Субъекту философствования, «овнешнивающему» свое миропонимание, жизнь предоставляет огромную палитру возможностей для его «бытия – в – пути» на высоты философских ристалищ. Чтобы состоять субъектом философского мыслетворчества, необходимо постоянно реализовать заповеди философского развития: «включать» в личную историю жизнебытия новые практики и опыты философствования других, новые представления о реальности. Не «замыкаться» на результатах и усилиях только личностного философского мыслетворчества. Ведь «выпуская» свое философствование на свободу, субъект философствования должен понимать, что главной целью его мыслетворчества является не текст, не звуки речи, а другой человек, отозвавшийся на его голос. Без его ответа и голос философствующего разума всего лишь «глас в пустыне». Без его смысла, он и свой не найдет. Это должно стимулировать философствующий разум держать напряжение мысли. Вслушиваться в структурные сдвиги времени, анализировать его вызовы, позиционируя себя в поле существующих точек зрения. Реализация этих условий делает возможной «встречу» неповторимого, экзистенциального, личностного опыта философствования с мировой философской культурой. В этом акте «встречи» субъект философского мыслетворчества уже готов «обернуть на себя», обогащенный новым содержанием, опыт всей истории развития философской мысли, обозначив для себя современные «фокусы» ее экзистенций. Обогащая их современным содержанием, он становится способным быть медиатором новых диалогов, дискурсов, нарративов между разными предметными сферами философского познания миробытия во всем их многообразии и противоречивой целостности.

Список литературы

1. Бибахин В.В. Язык философии. – М., 1993.
2. Борисов С.В. Эпистемология наивного философствования. – М., 2007.
3. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизики, могущей появиться как наука. Соч., в 6 т. – М., 1965. – Т. 4, Ч. 1.
4. Тульчинский Г.Л., Уваров М.С. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков. – СПб., 1997.